

ДРУГОЙ МРАВИНСКИЙ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

4 июня 1903 в Санкт-Петербурге в дворянской музыкальной семье родился Евгений Мравинский.

1920-21 — учеба на естественном факультете Петроградского университета.

1921-31 — работа в Ленинградском хореографическом училище пианистом, заведующим музыкальной частью.

1923-30 — учеба в Ленинградской консерватории по классам композиции (у М.М. Чернова и В.В. Щербачева) и дирижирования (у Н.А. Малько и А.В. Гаука).

1931 — первое выступление с оркестром Ленинградской филармонии.

1932 — дирижерский дебют в «Спящей красавице» в Мариинском театре.

1937 — первое исполнение Пятой симфонии Д.Д. Шостаковича с оркестром Ленинградской филармонии.

1938 — победа на первом Всесоюзном конкурсе дирижеров. Назначен главным дирижером и художественным руководителем Заслуженного коллектива РСФСР симфонического оркестра Ленинградской филармонии (возглавлял его полвека).

1939 — первое исполнение Шестой симфонии Шостаковича. **1940** — первые гастрольные поездки в Москве (следующие — 1954, 1961, 1965, 1969, 1972, 1983).

1943 — первое исполнение Восьмой симфонии Шостаковича в Москве с Государственным симфоническим оркестром СССР (авторское посвящение Е.А. Мравинскому).

1945 — первое исполнение Девятой симфонии Шостаковича.

1946 — первые зарубежные гастрольные поездки — в Финляндию, знакомство с Яном Сибелиусом. Участие в фестивалях «Пражская весна» (далее — 1955, 1967, 1974, 1980).

1947 — первое исполнение Шестой симфонии Прокофьева.

1953 — первое исполнение Десятой симфонии Шостаковича. **1954** — присвоение звания «Народный артист СССР».

1961 — первое исполнение Двенадцатой симфонии Шостаковича. Присуждение Ленинской премии.

1972 — исполнение Пятнадцатой симфонии Шостаковича в Ленинграде в присутствии автора.

1973 — присвоение звания «Герой Социалистического Труда», демонстрация по телевидению десяти документальных фильмов (автор А. Золотов) из цикла «Искусство Мравинского» (далее — 1974, 1978, 1982).

1978 — избрание почетным членом Венского общества друзей музыки. **1984** — последние зарубежные гастрольные поездки. Исполнение Пятнадцатой симфонии Шостаковича на фестивале в Дуйсбурге (Германия).

30 ноября 1986 — вагнеровская «монография» в Ленинградской филармонии.

6 марта 1987 — в Большом зале Ленинградской филармонии последний концерт Мравинского. «Неоконченная» симфония Шуберта, Четвертая симфония Брамса.

19 января 1988 — Е.А. Мравинский скончался в Ленинграде, похоронен на Богословском кладбище.

4 июня исполнилось 100 лет со дня рождения Мравинского. Дирижер, проживший весь XX век, на протяжении многих лет казался абсолютно не разгадываемой личностью, неприступным человеком. Для нынешнего поколения людей Мравинский такая же легенда, как О. Клемперер, В. Фуртвенглер, А. Тосканини. Людям более старшего поколения Мравинский — дирижер, 50 лет возглавлявший лучший оркестр страны, — казался «застегнутым на все пуговицы» тираном, «сухарем», которого все боялись, перед которым все трепетали. Мравинский не был «публичным» человеком. Он не давал интервью, не выступал со статьями. Из единичных его выступлений сохранилось (уже почти как легенда), пожалуй, только выступление 1948 года в Союзе композиторов: «Я любил, люблю, буду любить музыку Шостаковича. Я играл, играю и буду играть музыку Шостаковича»...

Но почти никто не знал другого, «закулисного», «домашнего» Мравинского. Петербургский музыкальный журналист, пианист Виктор СОКОЛОВ любезно предоставил нашей редакции беседу с женой Е.А. Мравинского, заслуженным деятелем искусств РСФСР, профессором Санкт-Петербургской консерватории, первой флейтой оркестра Мравинского Александрой Михайловной ВАВИЛИНОЙ, в которой приоткрывается «Другой Мравинский». Представленная публикация содержит фрагменты ее интервью, данного для телевизионной передачи, подготовленной к памятной дате Дирекцией ВГТРК «Санкт-Петербург» «МРАВИНСКИЙ, КОТОРОГО ЗНАЛА Я».

— Евгений Александрович считал, что искусство должно потрясать, и если на сцене ничего не происходит и искусство не потрясает, то это или не искусство, или дирижер, актер, вышедший на сцену, не исполнил главного, к чему он призван Господом Богом, — раскрыть людям авторский замысел, содержание произведения.

Партитура для Мравинского являлась человеческим документом. Поэтому процесс вникновения им в партитуру длился достаточно долго; он даже называл это состояние «беременностью сочинением», вынашиванием его в себе. Для окружающих в этот момент людей Е.А. представлял недостижимым, строгим. Но в период вживания в авторскую атмосферу партитуры он и был таким, для того, чтобы достигаемыми были Бетховен, Брукнер и Чайковский. А Е.А. был «для себя» всего лишь проводником между автором и слушателем. За это и любила его публика. За правоту. Она знала, что, придя на концерт Мравинского, услышит Шостаковича, Прокофьева, Баха, Дебюсси. И это будет то, что создано автором. Он нес нам эту чашу, боясь расплескать все впитанное им от создателей. Каждое произведение, взятое им, каждый автор становился частью его самого. Того же он требовал и от нас — исполнителей.

Каждый не только знал свою партию, но и понимал, как ее надо играть, с каким музыкальным образом связан данный материал. У нас в оркестре никогда не было слепого, без-

думного музицирования. Е.А. был убежден, что каждый оркестрант должен осмысленно исполнять свою партию, и обязывал нас относиться к своей профессии так же ответственно, как относился он сам.

— **Еще до войны, в 1940 в газете «Известия» в рецензии на выступление Мравинского было написано «выдающийся»... Такие эпитеты сопровождали его в течение всей жизни. Как он вообще сам оценивал себя?**

— Для Мравинского все дирижеры, все музыканты, исполнители всегда были лучше, чем он, и Е.А. совершенно ничтожно оценивал себя и был убежден в правоте собственной оценки. Никогда не любил в отношении себя высоких эпитетов, похвал и не всегда даже верил им. Да и когда слышал от меня в домашней беседе какие-либо восторги, то возмущался. «Слушай, вчера был великолепный концерт, и как замечательно, гениально ты дирижировал», — он всегда этим своим указательным пальцем стучал гневно по столу, говоря: «Прекрати! Прекрати! Ты-то уж знаешь, ты-то уж знаешь настоящее... Король-то голый!»

— **Мне рассказывал в интервью внук С.В. Рахманинов, что жена Рахманинова подошла к инструменту только после того, как Сергей Васильевич ушел из жизни. Вы могли заниматься при Мравинском?**

— Как раз сейчас я работаю над дневниками Е.А. и с ужасом читаю: «Аля занимается», и каждый день «Аля занимается», — с точностью до минут. Он во

всем любил порядок и аккуратность, и особенно в музыке. И я, действительно, занималась. Иногда закрывала дверь его кабинета и дверь в свой кабинет, а он садился за очередные свои партитуры. Их он всегда проигрывал на фортепиано, которым владел в совершенстве. Видите слепок с его руки? У него четвертый палец длиннее третьего. Ориэль Николе, всемирно известный музыкант, мой коллега по профессии, уверял меня, что это примета гениев. Е.А. брал октаву и еще квинту, а, играя, никогда не смотрел на клавиатуру. Когда мы хотели использовать время рационально, тогда занимались одновременно. Но, как правило, я старалась ни в коем случае не мешать ему в момент его работы и не учила при нем тот материал, который он готовит.

— **Почему? Его это раздражало, мешало?**

— Никогда. Однажды я разучивала очень трудный фрагмент из Пятнадцатой симфонии Шостаковича, разыгрывалась накануне концерта. Он подошел ко мне и посоветовал: «Ты сделай акцент на вторую долю, тогда дальше все получится хорошо», — мне это помогло. Никогда никакого упрека от него я не слышала. Ему иногда нравилось звучание блок-флейты, которой я владела. Бывало, закроюсь в своей комнате, а он придет, ляжет на диван и дремлет под звуки флейточки и говорит, что это для него некая психотерапия, а музыку «стариков-композиторов» называл «противоинфарктной».

— **Шостакович отдавал Евгению Александровичу многие премьеры, а вот премьеры Пятнадцатой была не у него. Он не обижался?**

— Нет, что Вы! Во-первых, премьеры многих симфоний были исполнены не Мравинским (Первая, Вторая, Третья, Четвертая, Седьмая, Одинадцатая, Тринадцатая, Четырнадцатая, музыка к фильмам, фортепианные концерты и т.д.).

Пятнадцатую симфонию Шостакович доверил своему сыну Максиму. Мравинский всегда по-отечески тепло относился к Максиму, считал его одаренным музыкантом, прекрасно слышавшим отцовскую душу. Когда, находясь в Комарово, Д.Д. создавал Пятнадцатую симфонию, Е.А. пребывал в то же время в Доме творчества композиторов, и они часто и трепетно общались.

Находились, как всегда, какие-то ущербные персонажи, пытавшиеся ранить Шостаковича надуманной проблемой с Тринадцатой симфонией и вности нотку охлаждения в их дружбу, но Е.А. НИКОГДА не изменил своей преданности Шостаковичу.

«Брат по дню» — так всегда он говорил и так писал. Нежно любил и страдал в болезни и горестях. После кончины Д.Д. вышли в свет мемуары С. Волкова. Как всегда, Россия бросилась в очередную крайность: запретили исполнять музыку Шостаковича, издавать полное собрание его сочинений. «Д.Д. — антисоветский элемент», только что не враг народа! Мравинский даже в уши не брал весь этот шабаш, а не только в сердце. Весь сезон 1975/76 был им посвящен памяти Великого Летописца русской музыки, и каждый концерт исполнялась симфония Шостаковича.

Что касается Пятнадцатой, то Е.А. получил кассету в исполнении Максима, прослушивал ее дома много раз. Помогал ему в фортепьянном исполнении и Боренька Тищенко, они много беседовали о необычности использования музыкальных цитат. «Никак не могу подобрать к ней ключ!» Подступал он к ней неоднократно, и все-таки в 1972 поставил ее в первый раз в Ленинграде. Д.Д., как и прежде, был на всех репетициях: «Как во сне, как во сне... как задумал...» — благодарственно твердил он в дирижерской. В дневнике Мравинского: «Я так чувствую Митю, что мне иногда кажется, будто я температурно его ощущаю, это даже граничит с какой-то сенсацией», — так он любил этого человека, и ни на одну секунду не предавал его до конца дней.

Мравинский Евгений (1903-1988), 2003 г. (мем-обс.)

Муз. обозрение - 2003, № 7-8 (июль-авг.) - с. 4-6

1916

За четыре дня до смерти, сидя в своем кресле рядом с пультом, на котором лежала раскрытая партитура Пятой Шостаковича, много раз подзывал меня: «Подойди сюда. Посмотри, здесь я после «восьми» перехожу на «четыре», — удобно будет оркестру или нет?» В 1987 исполнилось 50 лет этой симфонии. Но в декабре по причине катастрофического состояния здоровья Е.А. мы отправились в Вену с надеждой на облегчение болезни. Вернувшись в январе 1988 в Ленинград тяжело больным, Мравинский, тем не менее, собиравшись выйти на сцену и отдать свой Долг — исполнить симфонию.

К другим дирижерам, исполнявшим Шостаковича, никогда не ревновал, ходил на концерты, любил музыку к фильмам. «Напой мне, пожалуйста, из «Песни о восточном» — Нас утро встречает прохладой, — как гениально, а всего лишь гамма вниз и вверх, но как гениально...» — радовался Е.А.

Он не боялся в те трудные годы, когда Шостаковича клевали, пропагандировать его? Не приставали к нему?

— Ну, как не приставали! Всем известно, что Мравинский был объявлен рассадником формализма в Ленинградской Филармонии.

Он очень переживал?

— Даже это слово «пережил» не подходит. Я бы назвала его задним числом «суперменом». Е.А. никогда не боялся, когда чувствовал свою правоту. Выступив на том пресловутом собрании С.С.К., декларировал необходимость борьбы не с формализмом, а с дилетантизмом и серостью. Рыцарски отстаивал Прокофьева, Хачатуряна, конечно, Шостаковича и многих других. Квалифицировал всю эту шумиху очередным «зигзагом», адресуя вину за уничтожение талантливых композиторов пригравшимся у «музыкального камелька» искусства людям неполноценным, с ущемленным самолюбием. Я дала этому явлению кличку «симбурде» — симуляция бурной деятельности, что ему нравилось. Е.А. с юности перенес все беды на себе и отлично понимал происшедшее. В одной из нотаток записано: «И пришло сомкнутыми рядами на землю нашу ЗЛО».

Почему он так трудно сходил с людьми? Он был подозрительным?

— Это не подозрительность, это несчастье, раненая доверчивость. Е.А. принимал человека с открытым сердцем, желанием общения. Но нередко за общением следовали корысть, обман, неискренность... В таких случаях в ответ рождалась настороженность, недоверие, разочарование. Переносил он подобное тяжело, до отчаяния, так как был по-детски раним, страдал от смятения и одиночества. Мечтал о старце, к которому бы мог приникнуть, попросить совета, исповедаться. Ненавидел ханжество, чванство, рвачество. Старался никогда ничего не пропустить у чиновников; разве что для оркестра и своих музыкантов: телефон, больницу, квартиру, зарплату, машину и т.п. Но никогда — для себя. Никаких пайков, привилегий. Как все!

Он помогал людям? Прощал их?

— Конечно! Не было случая, когда обратившийся к нему с просьбой человек был обойден вниманием. И уж как никто умел прощать.

Был случай, когда хороший музыкант вдруг подал заявление об уходе в связи с поступлением в московский Госоркестр к Светланову. Е.А. огорчился: «Хороший музыкант. Как жалко! Почему он ушел, ты не знаешь? У него тут было все в порядке? Может быть, в семье, с женой нелады?» Настойчиво просил меня разузнать что-либо. Вдруг через какое-то время скрипач возвращается: «Простите, Евгений Александрович, возьмите меня назад». — «Пожалуйста, напишите заявление». — «А мне конкурс надо играть?» — «Не надо, я Вас хорошо знаю; на котором пульте Вы сидели?» — «На третьем». — «Идите, садитесь на свое место».

А к нему не боялись обращаться?

— Не помню такого факта. Можно составить целый список оркестрантов, обращавшихся к нему с просьбой. И он всегда сердечно откликнулся и помогал,

насколько мог, каждому. Просто об этом мало говорят, быстро забывают доброе. К сожалению, многих уже нет, иные покинули берега наши.

Почему его так боялись оркестранты?

— Этот миф я слышала много раз. Его боялись не музыканты, его боялись посредственности, сидящие в оркестре. Ни один хороший музыкант Мравинского не боялся. Боялись ответственности за профессионализм.

Почему можно, к примеру, купив билет на авиалайнер, сдать его обратно, узнав, что пилот пьян, электроника на нуле, крыло вибрирует и шасси отвалилось?! А на каком основании публика, пришедшая на концерт, должна получать не то, на что она имеет право, заплатив свои кровные?! Мы обязаны делать свое дело так же, как хирург, как атомщик...

А ведь бывают горе-оркестранты, которые не всегда инструмент-то берут домой; закинут его на полку и айда праздновать. «Пожалуйста, пятый пульт, сыграйте цифру 17». Вот тогда Мравинский — тиран. И те, для кого профессия не являлась смыслом жизни, могли шушукать: «Ой, боюсь, вдруг Мрава спросит что-то...».

Е.А. репетировал серьезно, вроде бы даже строго, а с другой стороны — так улыбнется и бросит какую-нибудь остроумную хохму, что всем в радость и в разрядку.

Почему иногда Евгения Александровича не выпускали за рубеж?

— Однажды пришел из филармо-

доброту. Одаривал пятидесятирублевыми, щедрыми комплиментами, вечно кого-нибудь угощал, и они, беспокоясь за него, часто доставляли домой велосейной компании.

Так вот эти «бдительные» морячки какую-то фразу его насчет того, какие враги страшнее — внешние или внутренние, — молниеносно разнесли, и, конечно, в Смольный. Все! Социально и политически опасен!

Разговаривали в обкоме — либо едешь, либо увольняем?

— Просто неоднократно рекомендовали уходить. Сколько было заготовлено заявлений об уходе! «Я не понимаю, почему ты пишешь эти заявления в Смольный или в дирекцию? Ведь не Смольный тебя ставил, ты не член КПСС; поедем в Москву, выясним там, нужен ты или нет». Поехали. В Москве близкие Е.А. люди — Рихтер, Шостакович, Андрей Павлович Петров, Валентин Михайлович Фалин — активно хлопотали о приеме в отделе культуры ЦК партии. Помню, как, входя в кабинет Шауро, Е.А. был поражен звучавшей в его исполнении Пятой симфонией Чайковского. Шауро уже знал о причине посещения. «Да что Вы, Евгений Александрович! Мы Вас никуда не отпускаем. Вы уйдете только тогда, когда Вас призовет Господь». Москва, как всегда, отнеслась к нему с теплом и пониманием, и все получилось справедливо.

Дирижировал ли Е.А. другими оркестрами?

— Дневники свидетельствуют о том, что дирижировал, но, в отличие от со-

временных дирижеров, мало. Попробую объяснить причину. Например, одно дело воспитывать ребенка с младенчества, а другое дело, когда тебя просят: «Слушайте, вот этого Ваню мы хотим Вам отдать на недельку. Может, он тоже будет таким же, как Ваш?»

А какие были для всего этого основания?

— Надо искать не основания, а причину, повод. Существовали люди, желавшие освободить его от занимаемой должности. Надеялись, заблуждаясь, огорчить или оскорбить «непроходимостью» за рубежом: мол, обидится и уйдет.

А, как пишет Мравинский в своей автобиографии, «природеведение — моя вторая специальность», и его самой вожаемой мечтой всегда было покинуть город и погрузиться в «свою среду»: к морю, в лес, на реку... Поэтому всякое «наказание» Мравинского оборачивалось сказкой «Щука наказала» — бросили в реку: «Давай-ка, быстренько собери чемодан и отправь меня в Усть-Нарву; быстренько, быстренько, а то они там еще передумают». И он уезжал.

Был однажды катастрофический случай: Е.А. вызвали в Смольный, чтобы предупредить об отстранении от поездки, потому что в кафе в беседе с морячками (он любил угостить) чего-то наболтал.

Не чурался куда-то пойти посидеть?

— А и не надо было никуда ходить: в нашем же доме, внизу замечательное кафе. Тетки его страшно любили за

— Правда ли, что где-то за рубежом на репетицию к нему пришел Караян, и он отказался репетировать?

— Этого никогда не было. Знаю, что оба почитали друг друга. Караян называл Е.А. своим старшим братом и учителем. По совету Шостаковича знакомился с Десятой симфонией по записи Мравинского. Известен случай, когда в Японии, услышав Пятую Чайковского в исполнении Е.А., разгневался и прекратил свою работу над записью этой же симфонии на CD.

Почему Е.А. практически не дирижировал Рахманинова?

— Он неоднократно дирижировал фортепианными концертами.

Двумя концертами: Вторым и Третьим.

— Пианисты очень любят Рахманинова, и это понятно. Его концерты и опера «Алеко» совершенны по форме и гениальны по музыке. Е.А. любил еще и романсы. Всю музыку Рахманинова знал, но форма симфоний представлялась ему не столь совершенной, как в других сочинениях. Как художник Е.А. очень остро чувствовал форму, и малейшая неопределенность или многословие причиняли ему творческий дискомфорт. Мравинский, воспитанный в духе восприятия только необходимого, существенного, позволял себе право выбора. За время, которое нужно было бы уделить постановке симфонии Рахманинова, он умудрился бы озвучить близкое ему по драматизму произведение. И он был искренен. Работал над тем, что ему созвучно.

Почему он почти не преподавал?

— Это неправда. Хочу внести некоторую ясность. Хотя Мравинского пригласили преподавать довольно поздно, но, тем не менее, он работал в консерватории и имел немало учеников. Кафедрой заведовал Н.С. Рабинович, он же распределял студентов. У меня имеется список учащихся Мравинского. Если учесть, что филармония имела право брать в штат на ассистентура-стажировку, то насчитывается около двадцати человек.

И еще: те, кому Е.А. разрешал посещать свои репетиции, получали высшую академию науки дирижирования. Часто эти молодые люди приходили после репетиций, и он терпеливо отвечал на их многочисленные вопросы, как по существу произведения, так и по мануально-профессиональной методике. Другое дело, что Е.А. считал, что научиться может только тот, кто действительно жаждет познать это трудное ремесло.

Ходят легенды, что якобы Мравинский не преподавал из опасения создать ученика, превосходящего его самого. Знаете, это уже из области шизофренических вариаций. Наоборот, Эдик Серов смеялся, что для Мравинского всегда все ученики уже были лучше него самого.

На чем основывалось его магическое воздействие на музыкантов, на людей вообще? Он мог ничего не сказать, ничего не сыграть, но одно его появление заставляло как-то подтягиваться.

— По своей натуре Е.А. был застенчивый, ранимый и скромнейший человек. Он, как правило, был углублен в себя, в свои заботы или в предстоящую репетицию. На людей нашего поколения эта его отстраненность наводила необычное состояние за гипнотизированности. Думаю, что аристократизм духа, привитый ему из XIX столетия родителями, создавал некую дистанцию в манерах общения. Нас же всегда поражала его интеллигентность, независимость духа, высокая надземная культура. А он нес свое поколение, свой век.

А в быту он был совершенно неприязнителен. Перенесший разрушение очага, испытывавший голод и неприкаянность, испытывал уважение к куску хлеба и крыше над головой. Все, что было поставлено на стол, все вкусно, за все благодарение Богу. Спать он тоже мог в любых условиях, была бы лавка да кулак под щеку. Только одно пугало его: если лавка коротка.

Окончание на с. 6.

ДРУГОЙ МРАВИНСКИЙ

(окончание)

— Почему он так боялся самолетов?

— В ближние страны мы всегда передвигались поездом. А вот в Японию поездка на колесах длилась больше недели. Но нужно было еще и плыть на кораблике «Дзержинский». Е.А. плавать не умел, хоть и любил воду. Уговаривала его лететь. Нет. «Можно подумать, что плаваешь ты лучше, чем летаешь!» — брякнула однажды, и это ему очень понравилось. Е.А. доказывал, что быть оторванным от земли — естественно. Вот ходить по ней, да еще бо- сиком, — истинное наслаждение.

И, тем не менее, иногда он летал самолетами. Например, когда во время гастролей по Японии из оркестра смыслись два артиста, мы с переводчицей решили уберечь его от этой информации. Решили перевезти в Ниигату, а не возвращаться вместе с оркестром на пароходе, и оттуда лететь специально выделенным японцами маленьким авиалайнером. Он ему очень понравился, маршрут был коротким, стюардессы-японочки выплясывали перед ним с вином и сладостями, звучала тихая японская флейта, и все обошлось. А вот чехословацкие полеты с ямами и ухабами в воздухе на крохотной советской «стрекозе» навсегда оставили в памяти ужас.

Кроме ходьбы пешком, обожал лошадей, великолепно управлял лодкой. Ненавидел грузовичье... и вдруг сложившаяся жизнь заставила Алю обзавестись машиной. Кошмар!

— Он ездил с Вами? Не боялся?

— Да нет. Поначалу протестовал, но потом оценил. Особенно, когда сложилась так жизнь, что место отдыха оказалось за двести километров. Ну кто нас будет возить взад-вперед, как передвигаться по Эстонии? В городе тоже машина перепадала редко. Излюбленное им правило «не злоупотреблять» во всем в случаях поездки ставило нас в затруднительное положение, т.к. такси довольно накладно. Поэтому на кладбище, на рынок, по городу к друзьям — не будешь же каждый раз канючить казенную «Волгу», нужно иметь какой-то свой движок — «Жигули», мне не составило особого труда освоить эту немудреную обязанность.

Иногда нервничал, если я задерживалась где-либо, беспокоился за меня. Потом привык и полюбил мелькающие за окном картинки, стремился все приметить: когда распускаются почки, когда пушит ольха, когда зацветет верба, какие прилетели птицы. Да и вообще все, что окружало, было ему интересно.

— Он бывал в раздражении, в гневе?

— Бывал, разумеется.

— В сердцах он мог бросить чашку, крикнуть?

— Почему чашку? Что Вы — такую мелочь? Сервиз!!

— Прямо целиком?

— Конечно! Один японский импресарио подарил ему однажды сервиз на 200 предметов. Придя как-то из филармонии огорченным очередными разборками, партсобраниями, склоками в группировках, прихватил с собой трехлитровую пленную бутылку «Гамзы». Противлюсь: мол, многовато. «Ничего, посмотрим». Весь на взводе... Ничего не говоря, не евши уселся в свое кресло. Еще кто-то позвонил, добавил... и началось. И какие силы надо иметь, чтоб приподнять сервант и скоренько его опустить? Сразу отчаянно забренчало, дверки раскрылись, и как было все сложено стопочками, так и разлетелось!

Компрессия иссякла, успокоился, остыл. «Пойду спать». Уложила обиженного мальчика в постель, потом вооружилась совком и корзинкой, подобрала «останки былого» и тихонечко до четырех утра брякала в мусоропроводе голубыми с цветочками роз черепками. Вымыла пол. Все чисто. Утром долго спал. В такие моменты главное — не мешать; наплевать на эти сервизы, Господи Иисусе! Разрядка дороже, чем кухонная мишура.

Через некоторое время приходит к нам замечательный человек — Петр Цезаревич Радчик, директор Дома творчества композиторов. Из Москвы Андрей Золотов приехал. «Алюша, надо сегодня прилично сервировать и достойно угостить». А я таскаю какие-то польские тарелки. На столе у меня попури советской смеси пластмассы с глиной. После ухода довольных и сытых гостей получаю замечание: «Стол был сервирован бездарно! Почему? У нас ведь есть прекрасный сервиз! Что ж ты не удосужилась пристойно накрыть стол?!» Мол-

чу. Нечем крыть. Задумался: «Послушай, я днями не набедокурил? Где же японский сервиз?». Я: «Да брось ты печалиться на эту тему. Он давно в мусоропроводе, и черт с ним». «Какой же я мерзавец, какой него- дый!» — долго корил себя.

— В его жизни были какие-то неожиданные случаи?

— Например, был такой трогательно-комический казус. Главный принцип Мравинского — не обраться барахлом. Этакий «антивещист», только необходимый минимум. Нужно иной раз прослушать какую-либо пластинку — а не на чем.

У Е.А. имелся допотопный, раритетный «Philips»: два маленьких моно-динамика, он работал только через стабилизатор под аккомпанемент постоянно гудящего «додиез». В Австрии я купила стереопроектор и, воспользовавшись отдыхом Е.А. в Комарово, повесила на угловые стенки динамики, установила аппаратуру. Вернувшись, он ее не заметил. «У меня для тебя подарок», — вещаю. Первое дело — нахмурился. «Я привезла настоящий проигрыватель». — «У меня есть!» — «Но ведь он умудряется менять скорость, поэтому плавают звук и высота». Поставила посреди кабинета кресло, усадила его: «Послушай». Включила запись, «Аполлон Мусажет» Стравинского. Е.А. сидит, наслаждается. Оркестр звучит потрясающе, и впечатление — будто ты сам находишься в оркестре. Вижу — плачет. А когда это случилось, то лицо его не менялось; просто по щекам-эфам слезы тонким ручейком стекали к губам. Подошла, обняла: «Почему ты плачешь?» — «Ты слышишь, как играют? Как близко это моему прочтению! Жалко, мои так не смогут...» — «Но это ты и твой оркестр!» Не поверил сначала. Тогда пришлось показать пластинку и конверт с его портретом. Обрадовался неслыханно. «А когда же это записано? Не припоминаю, чтобы наш оркестр писал «Аполлона»». — «Ты же разрешил во время московских гастролей транслировать, и Вепринцев, умница, взял и записал». Запись, конечно, оказалась за границей, а там уж наши друзья преподнесли ее мне в качестве подарка для Е.А.

— Он был верующим человеком?

— Мравинский — плод русского православного дворянства XIX века; кто в те времена мог быть неверующим? Е.А. никогда не скрывал своей религиозности, был покайнен, периодически исповедовался и причащался. В 1987, в последнее лето жизни на земле, соборовался в Усть-Нарвской обители волею близких ему отца Владимира и матушки Антонины Матвеевны Сидоровых. В духовной среде Е.А. искренне почитали, а после кончины он поминается ежедневно в храмах как Приснопамятный.

— Если бы Бог отпустил ему прожить более долгие годы, как Е.А. отнесся бы к тому, что произошло в стране?

— Я очень хорошо помню его формулу, произнесенную в 1985. Е.А. предрек: «Меня, конечно, не будет в то время. Я хотел бы порадоваться за ваше грядущее, но опасаясь, что Россия обречена на вечную агонию». Его умозаключения никогда не рождались спонтанно, но были выстраданы умудренностью, основанной на огромном жизненном опыте. Агония дана человеку для того, чтоб он успел покаяться, пройти через боль, очиститься. Что может быть страшнее, если агония бесконечна и смерть не избавляет от страданий?

Как бы он жил сегодня? Думаю, каким он был чистым мальчиком, таким бы и ушел. Наверное, был бы разочарован сползанием, подобно селевому обвалу, духовного начала, ожесточенностью и разрозненностью людей, обнищанием стариков и детей. Может быть, горько бы плакал, потому что невосребованность духовного — «харакиризм».

— Он был одиноком?

— Люди склада Мравинского обречены на одиночество. Одиночество — удел гениев. В самом высоком смысле он, конечно, был одинок. Думаю, ни гарем из жен, ни друзья по рыбалке и охоте не избавляют таких людей от иссушающего, необъяснимого чувства сиротливости. Если бы на пути Мравинского явился кто-то абсолютно схожий, но разнополюсный, взаимно дополняющий, мудрый духовный наставник, он был бы избавлен от одиночества. Но Господь разводит Гениев, и пути их, как правило, не пересекаются. Просто спутнику жизни нужно всегда помнить об этом и, по возможности, поддерживать в совместном шествии, хоть на толику сглаживая ухабы тернистого пути. И не осмелюсь назвать судьбу Е.А. счастливой.

150 лет волшебному голосу рояля «Bechstein»

SEIT 150 JAHREN

C. BECHSTEIN Zentrum im Stilwerk Kantstr. 17, 10623 Berlin, Germany
Fax: +49 30 315 15 200 www.bechstein.de info@bechstein.de

МОСКОВСКИЙ ДОМ КОМПОЗИТОРОВ

125009 Москва, Брюсов пер., 8/10, тел. (095) 229 1365

Одна из самых уютных концертных площадок Москвы.

В Доме два зала: Большой — 385 мест и Малый — 70 мест. Ежедневно в Доме проходят концерты симфонической, камерной, джазовой, духовой, хоровой музыки. Работает студия звукозаписи.

С 12 до 23 часов работает уютное кафе «ФА СОЛЬ» (цены доступные)
Телефон кафе 229 3089

Дом композиторов предоставляет свои помещения для проведения концертов, конкурсов, конференций.

ЦЕНТР НОТНЫХ МАТЕРИАЛОВ СОЮЗА МОСКОВСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

предлагает следующие услуги:

переписка музыкальных произведений (партитуры, клавиры),
расписка оркестровых, хоровых партий,
ксерокопирование нотного материала,
брошюровочные и переплетные работы.

Центр нотных материалов обладает огромной нотной библиотекой (партитуры, оркестровые голоса)

практически всех композиторов бывшего Советского Союза.

Все эти материалы предоставляются в прокат филармониям, театрам, музыкальным коллективам.

Москва, Смоленская наб., д. 2.
Тел.: (095) 248 7246, 248 7204

Магазин «НОТЫ» на Неглинной переехал!

Новый адрес — Тверской бульвар, д. 9.

М. «Пушкинская», «Тверская» — выход в сторону «McDonald's».

Справки по телефону (095) 202 0913

ПОСТАВКА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И АКСЕССУАРОВ ВО ВСЕ РЕГИОНЫ РОССИИ

СКРИПКИ
ВИОЛОНЧЕЛИ
аксессуары
для смычковых

УДАРНЫЕ
ПЕРКУССИЯ
ведущих
изготовителей

СТРУНЫ
НОТЫ
ПУЛЬТЫ
ПОДСТАВКИ

НАРОДНЫЕ
инструменты

ПИАНИНО
РОЯЛИ
Steinway & Sons
Boston
Grotrian-Steinweg

ГИТАРЫ
из Испании
Германии

ДУХОВЫЕ
Buffet
Schreiber
Miraphone
Marigauh
Jupiter

ДЕТСКИЕ
музыкальные
инструменты

ЧЕХЛЫ
для любых
музыкальных
инструментов

Санкт-Петербург, 199004, а/я 4, (812) 350 8567, 350 3644 www.fortkant.com

ФОРТКАНТ